

Глава 20-Иллюзия Разбитая Вдребезги

Какаши проснулся от звука шороха.

Он автоматически замер, обеспокоенный этим звуком и потянувшись своими чувствами, чтобы исследовать его, прекрасно зная, что они не были в безопасности Конохи, но сразу же расслабился, поняв, что это был всего лишь его сэнсэй.

Он сел, потер глаза и со вздохом повернулся посмотреть, что делает этот человек. Какаши поднял бровь, когда этот шум заставил блондина напрячься. - ...Минато-сенсей? Что ты делаешь?- Его взгляд переместился на сумку, принадлежавшую его товарищу по команде Учихе-который, как ни странно, отсутствовал—которая была зажата в руке его сэнсэя.

Блондин несколько раз посмотрела между сумкой и лесом—Какаши внутренне удивился, зачем он это делает,—прежде чем испустить свой собственный вздох, бросить сумку и подойти к дереву, чтобы сесть.

Какаши не был уверен, что именно произошло. Он никогда раньше не видел своего сэнсэя таким... таким побежденным. Было явное беспокойство, которое он видел и раньше, но оно сопровождалось страхом, печалью, как будто кто-то умер—

-А где Обито?- Спросил седовласый Чунин с широко раскрытыми глазами, тихо, чтобы не разбудить Рин, но с едва скрываемой нервозностью.

Его страх, беспокойство—смятение?При этом упоминании поведение Минато стало холодным, его лицо спокойно молчало, а взгляд устремился в лес. Снова. Какаши посмотрел в том же направлении, с трудом пробираясь сквозь спальный мешок, чтобы встать. -С ним что-то случилось? Почему ты нас не разбудил? Мы должны вернуться назад—"

Какаши резко прервался, когда чья-то рука опустилась ему на плечо, и он был вынужден снова сесть. Он растерянно посмотрел на своего сэнсэя.

- С Обито все в порядке, - холодно ответил Минато с улыбкой, которую Чунин не мог прочесть в темноте. Он скорее почувствовал, чем увидел, как его сэнсэй отвернулся от него. - ...Я удивлен, что ты так переживаешь за своего товарища по команде, Какаши."

Хатаке замер на этих словах, не заметив слегка гордого и в то же время странно печального тона своего сэнсэя. То, что он сказал... Это была правда. Почему Какаши так себя ведет? Он... они, их команда, они были Шиноби. Обито знал, как защитить себя, это было очевидно по тому, как он вел себя раньше...

Какаши сглотнул, вспоминая это событие, и его рот стал похож на пергамент.

Раньше ... Какаши был целеустремленным, его глаза были прикованы к своему сэнсэю. Он знал, что шансы на то, что Минато выкарабкается и победит, были высоки, но все же оставался шанс—этот ничтожный, но все же пугающий шанс,—что этот человек будет побежден. А что, если один из врагов подкрался к нему незаметно? Он сражался с тремя Джонинами и двумя Чунинами; даже Намикадзе Минато мог оступиться и ударить в грязь лицом....

Это не имело значения, главное было то, что Какаши был ... он волновался. Итак, он отреагировал и, оглядываясь назад, понял, что это было глупо с его стороны. Разумнее всего было бы остаться со своими товарищами по команде, которые были широко раскрытой и жизнеспособной добычей для третьей стороны, для скрывающегося врага.

А ведь именно это и произошло, не так ли? Он пошел за Минато, вопреки тому, о чем предупреждал его Обито, даже не почувствовав шестого Кумо шиноби... и теперь он не знал, что и думать.

Его беспокойство из-за Минато внезапно прекратилось, когда этот ужасный, полный ужаса крик разорвал воздух. Какаши обернулся, удивленный тем, что Рин тоже была рядом с ним, но его глаза были прикованы к скрюченному телу на земле.

Безногий.

Он едва успел пробормотать потрясенное слово " что...", как один из Кумо Шиноби отчаянным голосом позвал своего упавшего товарища, и этот крик заставил Какаши снова обернуться.

Хатаке Какаши был не чужд смерти. Он тоже не был новичком в жестокой смерти, и, честно говоря, то, что он видел, было далеко не худшим, но ... но когда он обернулся, у него было немного времени, чтобы посмотреть в глаза другого Чунина, прежде чем вся его голова просто исчезла.

И обезглавленное тело просто упало на землю, дернулось несколько раз, прежде чем совсем замереть.

Мысли его лихорадочно метались. Потому что да, смерть все еще действовала на него так сильно, как он не хотел признавать, но в этом случае было легче проглотить свою гордость и признать это—не потому, что они были так близки к смерти, или потому, что он только что увидел окровавленные внутренности, содержащиеся в шее мальчика его возраста,—потому что он пришел к поразительному осознанию, как только увидел, что это произошло. Его разум соединил все точки, и когда он повернулся к Обито, то увидел пронзительно красный цвет.

Возможно, он мало что знал о додзюцу клана Учиха, но что-то подсказывало ему, и он просто знал, что именно Обито убил тех Шиноби.

У Какаши было мгновение, чтобы взглянуть на Обито, когда он увидел, как мальчик хлопнул рукой по земле и пробормотал несколько слов, прежде чем мир взорвался красным.

Кричащий. Более того, совершенно ужасные крики ужаса и боли. Какаши повернулся к красной стене пламени, которая была всего лишь в нескольких метрах от него, и наблюдал, как оставшиеся Кумо Шиноби были полностью испепелены прямо на его глазах—их кожа плавилась, казалось, чернея, прежде чем рассыпаться и взлететь в воздух в человеческом веществе и пепле. Это было ... не то зрелище, которое Какаши хотел бы увидеть когда—либо снова, и часть его чувствовала, что это зрелище было выжжено в его глазах—и часть его беспокоилась за Рин, которая, должно быть, была гораздо больше поражена этим ужасным зрелищем.

Результат того, что сделал их товарищ по команде.

Но ... несмотря на все случившееся... да, именно Обито убил тех Шиноби. Но убийство и смерть были понятиями, хорошо знакомыми людям их профессии, и Какаши это знал. И кроме того, обито спас их.

Он даже заявил об этом в упор.

-Это они напали первыми. Было бы гораздо хуже, если бы кто-то из вас погиб. Но это не так, и в результате я не могу быть счастливее."

Учиха Обито был силен, и он... он защищал их. Он пытался сказать Какаши, чтобы тот держался подальше, но тот его не слушал, и по необходимости Обито отреагировал именно так.

Какаши повернулся и посмотрел сквозь деревья. И если Минато-сэнсэй не беспокоился по этому поводу, то у него не было причин для беспокойства.

Кроме того, он не был... он не должен был так сильно привязываться к своим товарищам по команде. Он не должен был создавать эти привязанности, эти узы к своим товарищам по команде, которые заставляли его бояться за их жизни до такой степени, когда они были вне его поля зрения всего на мгновение.

Правила. Он не должен был быть эмоционально скомпрометирован, он должен был оставаться спокойным с ясной головой—

-Возвращайся спать, Какаши. Очнувшись от своих мыслей, Какаши повернулся к Минато, который теперь стоял на коленях рядом с ним. - Обито скоро вернется, я обещаю."

Он колебался, но все равно кивнул, устраиваясь поудобнее в своем спальном мешке, а Минато вернулся на свой пост у дерева.

Через пятнадцать минут, когда дыхание его выровнялось, он заснул.

Он не заметил тихий хлопок, который последовал вскоре после этого.

Три слова.

Три слова-Вот и все, что потребовалось Обито, чтобы почувствовать, как мир рушится вокруг него, почувствовать, как его власть над реальностью ускользает от него. Осознать всю тяжесть своего выбора, осознать, что он совершил ошибку, что он сделал это абсолютно, непреложно—

-А ты кто такой?"

- Он облажался.

- ...Минато-сэнсэй, - тихо позвал он, не обращая внимания (и как это было больно видеть) на то, как мужчина напрягся при этом почетном слове. -А ты кто такой—"

Он слегка поперхнулся, когда Кунай у его горла впился в кожу, проливая кровь.

- Ответь мне, - прошептал Минато, но в ее голосе звучало непреклонное обещание боли, гнева, и если он услышит ответ, который ему не понравится ... "

Обито на мгновение уставился на своего сэнсэя. -... Я Учиха Обито."

Он не чувствовал, как Кунай давит дальше—его сэнсэй, вероятно, знал, что любое дальнейшее давление потребует первой помощи—но тяжелое намерение убить, внезапно заполнившее воздух, все равно мешало ему дышать.

"Это ложь", - прорычал Минато, "ты не попыталась передать."

Сознание Учихи пошатнулось, от ситуации, от его собственных мыслей, от мощного убийственного намерения его сэнсэя просачивалось, от всего. Что случилось? Почему он оказался в такой ситуации?

Он моргнул, отгоняя черные пятна, образовавшиеся в его поле зрения, и его глаза снова наполнились холодной, безжалостной лазурью.

Почему у Минато такие глаза?..

Сделав тихий вдох, чтобы собраться с мыслями, он заставил себя успокоиться. Если он не хочет, чтобы ситуация стала еще хуже, чем сейчас (а если честно, то он не думал, что это действительно возможно, если не считать того, что Кунай проткнет ему горло или сбежит и официально станет пропавшей без вести), он должен сохранять спокойствие.

- ...Почему? Как же это я не Обито?- Он хрипло выдохнул, слегка поморщившись от крови, сочащейся из его шеи. - А почему ты здесь?—"

-Это Кьюби.- Слова Обито замерли у него на губах, когда он смотрел на блондина, и его взгляд переходил от холода к ... разочарованию. -Это не имеет никакого смысла, откуда ты знаешь. Никто не должен был знать об этом, кроме нескольких избранных людей."

Учиха открыл было рот, чтобы заговорить, но тут же был прерван, так как Минато продолжил: - В тот раз, в библиотеке. Ты сказал, что изучаешь способы исцеления себя, чтобы Рин не приходилось постоянно заботиться о тебе.- Прошипел он. -Ты солгал. Безопасность от похитителей душ? Безопасность от извлечения души, кражи тела? Мне следовало бы узнать правду гораздо раньше."

Встревоженный и поняв, к чему клонит его сэнсэй, Обито снова открыл рот—его мысли лихорадочно метались; как же его планы так сильно провалились?—но был резко оборван снова, когда кончик кунаи немного углубился, заставив его испустить задышающееся шипение боли.

-Вы упомянули кое-что перед памятным камнем, что-то о том, как "пытались восстановить свое тело", как ваши "конечности были короче" и " как у вас была четверть чакры, которую вы имели, будучи взрослым.- Глаза Обито еще больше расширились. -Ну, не знаю. Я не знаю, как, почему и когда, но я точно знаю, что ты не тот Обито, которого я знал. Ты не тот мальчик, о котором я заботился, которого учил, который всегда улыбался, что бы с ним ни случилось. Учиха вздрогнул, увидев, как лицо Минато превратилось в выражение крайнего презрения. - Эти глаза... эти глаза, которые могут так бесстрастно смотреть на тех, кто был безжалостно убит, это не глаза Обито. Это глаза хладнокровного убийцы."

Тишина.

Глаза Минато сверкнули вызовом и яростью, казалось, он хотел, чтобы Обито ответил, сказал что-нибудь, но Обито... ему на мгновение стало нехорошо.

Ему было больно. И вовсе не из-за кунаи, который был примерно на дюйм глубже его шеи. Он ... он чувствовал себя так, словно его ударили в самое сердце этим замечанием—хладнокровный убийца, как сказал его сэнсэй-говорил с такой горячностью, с абсолютной уверенностью... обито никогда не понимал, как сильно ему будет больно, если его заподозрят в подобном. Во время войны, когда он открыл себя всем, своему другу Какаши, он не чувствовал такой непреодолимой вины. Ему было все равно, когда его сэнсэй узнал об этом тогда, так почему же сейчас?

Он почувствовал оцепенение и только когда снова услышал голос своего сэнсэя, понял, что тот грубо трясет его, а Кунай все еще находится у его горла. - Скажи мне, кто ты, и... и что ты сделал с Обито.- Он зарычал-Намикадзе Минато, он на самом деле зарычал—и посмотрел на обито сверху вниз. - Почему ты управляешь его телом??"

Все еще чувствуя некоторое оцепенение, Учиха посмотрел в глаза своему сэнсэю. Он... у него не было щита над глазами, и этот холодный, сдержанный взгляд, который Обито начал ненавидеть ... его там не было. Но то, что он обнаружил, заставило его пожалеть о своем желании никогда не видеть этого бесстрастного взгляда.

В глазах блондина были эмоции, которые Обито никогда не хотел видеть в них: боль, подозрение, боль, печаль, абсолютная ярость—и внутренне он удивлялся, как он не видел этого раньше, как он не видел и не чувствовал этих изменчивых эмоций, как он никогда не видел страданий своего сэнсэя...

... Нет. Он издал кривой смешок, хотя он больше походил на низкое бульканье.

Нет, это было неправильно. Он ... он предвидел, что это произойдет. И он это знал. Каждый раз, когда доказательства смотрели ему в лицо, он искал мирный ответ и игнорировал растущий вопрос. Он просто хотел отодвинуть эти проблемы в сторону, цепляясь за надежду, что все было не так, как он думал. Он выбрал невежество и иллюзии, потому что не хотел смотреть правде в глаза. На самом деле ему снова захотелось рассмеяться, даже если это действие разорвало ему горло.

Некоторые вещи никогда не меняются. Они просто никогда-блядь-не менялись, да?

- ...Я Обито, - пробормотал он, слегка отводя глаза. Он почувствовал, что Кунай вернулся к его горлу, и он резко повернулся к своему сэнсэю с непоколебимым взглядом и крикнул до предела, что позволяло его оскорбленное горло: "я Учиха Обито!"

- Перестань врать, это могло бы подействовать на меня и раньше, но ... —"

-Я из будущего, - заявил Обито, свирепо глядя на своего сэнсэя и не замечая, как активировался его Шаринган. -Я из будущего, где все пошло прахом и все, блядь, мертвы."

Минато действительно остановился, глядя на Обито. Его рука не двигалась, но сияние рассеялось, и остались лишь печаль, подозрение, боль и явное замешательство-противоречивые чувства. Прежде чем человек успел опомниться от этого надуманного заявления, ворон продолжил:

- Помнишь, как Мангэке может быть активирован только тогда, когда кто-то драгоценный умирает? Нет, я уверен, что ты помнишь, как Фугаку-сама сказал это в тот день, когда я проснулся в твоём доме—у тебя память даже лучше, чем у меня. Ну что ж, у меня есть для вас Новости.- Он улыбнулся, хотя в его улыбке было столько горечи и отвращения, что она больше походила на хмурый взгляд. - Ну ... Рин умерла."

Наконец, что-то другое промелькнуло в глазах Минато. Он напрягся, его глаза чуть расширились. Обито сделал еще одно усилие, чтобы проигнорировать эту реакцию и продолжить, его лицо потемнело, когда он заговорил. - Ты тоже умер. Кушина-Нисан умерла.

Случилась война. Я должен был повзростеть. Были вещи, которые я должен был сделать, и в конце концов... в конце концов, я умер."

На последней части он напрягся, чувствуя, как нарастает сильная и необъяснимая ярость, давящая на его эмоциональное и ментальное состояние, желая освободиться, как какой-то разъяренный демон. -Я должен был присоединиться к тебе в загробной жизни. Черт, нет, я даже не знаю, был ли я на самом деле, я должен был умереть, и пошел ли я в это проклятое чистилище или оказался в чистом мире со всеми вами, которых я не знал, но смысл был в том? Я должен был быть мертв. Например, никогда больше не просыпаться. И все же, и все же"

Он зарычал, стиснув руки в грязи по обе стороны от себя. -И все же я просыпаюсь и чувствую себя живым. Я думал, что это была иллюзия—Нет, я был уверен, что это была иллюзия, что-то, предназначенное для того, чтобы мучить меня. В конце концов, я не должен был остаться в живых, после всего, что я сделал!- Его руки взлетели к голове, и он сжал в кулаки свои короткие, непослушные волосы, дергая за оскорбленные корни. - Но почему именно я? Почему бы не найти кого-нибудь получше!? А почему не он??" Рыдание. —Почему бы и нет ... почему бы и нет ... — Обито решительно оборвал себя, сжимая и разжимая кулаки в резкой тишине, прежде чем позволить им упасть обратно на колени—рассеянно отметив, что теперь он сидит,—и закрыл глаза, глубоко вздохнув. - ... Кагуя. Кагуя, я был уверен, что Кагуя сделала это со мной, что она создала иллюзорный мир, чтобы я мог страдать..."

И он сделал это, он действительно, действительно сделал. Он понял: он был бы счастливее, если бы ему позволили принять гостеприимные объятия смерти. Тогда, в конце войны, он почувствовал облегчение, и он посмел сказать, что это—он почувствовал, честно, по-настоящему счастливым. Впервые в жизни он сделал что-то правильно. Он защищал своего лучшего друга. Он защищал Наруто, дитя пророчества, любимого сына своего сэнсэя.

Но вместо того, чтобы умереть, вместо того, чтобы стать мертвым мозгом и освободиться от всего, он был отправлен в прошлое. Это был бы подарок для кого-то вроде Наруто, у которого была врожденная способность любить безоговорочно и получать ее в свою очередь. Воспитывать, заботиться, мотивировать—это была просто его естественная, почти неестественная харизма. Но это был не Наруто, чтобы вернуться в прошлое, Нет, это был обито. Спотыкаясь, падая, путаясь во всем вокруг, черт возьми, и снова он был, несомненно, один-никого позади него, никого рядом, он был один. Для него, для Учихи обито, это был не что иное, как ад, его собственная пытка и путь к безумию. До безумия.

Он ей не доверял. Наруто бы так и сделал. Он еще не полностью раскрылся. Наруто бы так и сделал. Он так и не принял правду. Наруто бы так и сделал.

Он убивал хладнокровно. А Наруто? Да он и не стал бы этого делать.

И ситуация, в которой он оказался... последний человек, которого он хотел бы видеть таким, каким он был на самом деле, человек, которого он предал раньше... Минато принял это во время войны, в то время как обито был глубоко погружен в муки собственного безумия, совершенно не желая принимать реальность. И все же, когда он действительно пытался сделать все правильно, пытался все исправить... вот в какой ситуации он оказался. Что бы он

ни делал, он все равно оставался просто хладнокровным убийцей.

Разве это не было просто воплощением всего?

Он сломался.

- Хех... - он усмехнулся, и на его лице появилось нечто среднее между ухмылкой и гримасой. - Хех..Хаха... Хахаха! Ха! Да, я хладнокровный убийца!- Он не заметил удивленного взгляда, который бросил на него Минато. -Я причина горя, печали, такого количества гребаных смертей, что это уже даже не вопрос! Я-тьма, и я прожил в аду больше половины своей жизни. Так почему же я? Почему меня послали в прошлое?? Что может сделать избитая, сломленная, омраченная душа, кроме как испортить будущее!?"

Учиха закрыл глаза рукой и сделал несколько ровных вдохов. Он чувствовал, как теплая жидкость стекает по его лицу, его лицо исказилось от нахлынувших эмоций—и на этот раз это была не кровь. Спокойный. Спокойный. Было уже слишком поздно, но ему нужно было восстановить хоть какое-то подобие спокойствия, прежде чем он снова напортачит. Он дышал - вдох, выдох, ровный ритм. - ...Я... я не должен был быть тем, кому дали это задание. Это не должен был быть я. Сделав последний, успокаивающий вдох, он убрал руку от глаз—он чувствовал себя опустошенным, усталым, даже больше, чем тогда, когда он впервые появился в прошлом. Он посмотрел на своего сэнсэя мертвым взглядом, не в силах прочесть его мысли из-за темноты и затуманенности собственных глаз. -Я до сих пор даже не знаю, почему я здесь и как я здесь оказался. И основываясь на том, что здесь произошло, - он повернулся в сторону, его голос упал ниже шепота. -Совершенно очевидно, что я окончательно облажался."

"Облажался" даже не начинал объяснять это. И все же что-то подсказывало ему, что это было не совсем случайно.

Часть его, юный, тринадцатилетний мальчик, которая, как он думал, давно умер, жаждал признания. Он хотел помощи, любви, заботы и признания. Он хотел добиться этого внимания, и даже если оно было незаметным... он добился его. В самом худшем из возможных способов. Это было не так глупо и откровенно, как в прошлый раз, когда он буквально кричал о своем величии и гордо (несправедливо) кричал о своей силе и о том, что однажды он победит всех. Нет, это было не так линейно, но почти так же идиотски-тонкая мольба, подталкивание, которое даже обходило его собственное знание; он стремился к признанию, вовлекая себя в каждое событие всеми возможными способами, думая о себе вне того, чем он был на самом деле. С его знанием будущего он воображал себя ... героем. Сторонник. "Хороший парень", совсем как Наруто. Он оправдывал каждое свое действие-выслеживая Цунаде, он делал это для Итати, для деревни. -Незаметно, - намекнул Минато, говоря себе, что это для деревни. Идя против Орочимару, он должен был ради блага своего драгоценного народа и всей деревни изгнать будущего предателя. Против старейшин Учихи они были просто "плохими парнями", в то время как он был хорошим. У мемориального камня ... он даже не смог бы оправдать это, даже если бы попытался. Он никогда не говорил вслух, по крайней мере теперь, и он хотел сказать, что это было просто спонтанное желание поговорить с Наруто, в то время как другая часть каким-то образом знала, что это было не так невинно.

Другая часть ... старая, истерзанная войной версия его самого. Тоби. Опять же, это была та запутанная битва перетягивания каната, с ним в центре. Но на этот раз "Тоби" почти усилил его детские желания, сумев затуманить его разум своими надеждами, мечтами, тем, что он хотел увидеть,—окутав его этим пьянящим безумием и заставив потерять и без того скудную связь с реальностью.

Однако все это было просто самоанализ. В конечном счете, он действительно не знал—и это было, скорее всего, частью его безумия, что он никогда не сможет понять свои собственные схемы.

- ...Я думаю, тебе пора рассказать мне, что случилось с Кагуей."

Обито несколько раз моргнул, пытаясь прояснить свое все еще затуманенное зрение. Это немного сработало, но в темноте он все еще не мог ясно разглядеть лицо своего сэнсэя. - Он тяжело вздохнул. - ... Это была моя вина."

Мгновение ясности, вот что он чувствовал в этот момент—он чувствовал себя, за неимением лучшего слова, свободным—без предвзятости или своих эмоций, которые давили на него. Он уже выпустил это чудовище наружу.

Он ... понял, что все это время он обвинял Мадару. Мадара, Кагуя и ее лакей-за все. Он всегда знал, что это была в основном его собственная вина, но, как и в других случаях, он отбросил ее в сторону, решив, что это было главным образом потому, что он столкнулся с трудностями. В результате он потерял самого себя. Он дал себе этот костыль, который так много выстрадал, а потом решил, что нечто столь же хрупкое, как этот костыль, подтверждает его безумие, его идиотизм. Но нет. Он был тем, кто выполнял задания, убивал невинных, и в конечном счете, он был тем, кто принимал каждое решение в своей жизни. Конечно, он был пешкой Мадары в самом начале, но после того, как этот человек умер... ему не нужно было идти по этому пути. Он мог бы, должен был просто уйти.

Какая-то его часть подозревала о предательстве Мадары, о его не совсем правдивых словах, но... честно говоря, Обито тогда было все равно. По общему признанию, он стал чем-то вроде марионетки, управляемой призраком того, кого он считал Мадарой, и благодаря этому находил утешение. Казалось, что он все еще был тем же самым сейчас; в конце концов, когда Мадара был за сотни километров отсюда, его ненависть переместилась на временную цель, не так ли? От Мадары до клана Учиха, он подтвердил свои действия, решив, что это была вина клана Учиха. Черт возьми, он вспомнил, что признался в этом почти сразу же, как только очутился в прошлом. И какое-то время это был Орочимару, Данзо...

Всегда. Всегда убегая от ответственности, убегая от правды. Как он мог хотя бы попытаться сказать правду, если не мог признаться в этом даже самому себе?

- ... Я провалился в темноту. Я ... " - " ... я чуть не погубил весь мир вместе с собой.- Он судорожно сглотнул. - ...и Кагуя... Кагуя, она же Бог. Демон. Кто-то, кому нельзя позволить воскреснуть, кто-то, кто не может существовать снова."

Он почувствовал настороженное замешательство в голосе своего сэнсэя. -... Что ты имеешь в виду?"

-Не надо, - тихо произнес Обито, молча съежившись от абсолютно проигранного тона, который был в его голосе. -Просто... больше не спрашивай. Я буду ... я все изменю, и тебе не обязательно знать больше."

-... Ты не можешь все сделать сам."

Позже Обито удивлялся, почему его сэнсэй вообще задумался обо всем этом, почему он на самом деле придал вес словам Обито. Потому что даже если это было не так, то, по крайней мере, так казалось—и теперь, еще не понимая этого, еще не видя—отчасти потому, что он действительно не мог видеть—путешественник во времени цеплялся за эту надежду, за эту слабость, как бур.

Он повернулся туда, где сидела блондинка, его глаза сверкали решимостью, яростью, жаждой мести. "Я буду менять вещи. Несмотря ни на что."

Даже если ему придется уничтожить самого себя в этом процессе.

Возвращение в Коноху было... по меньшей мере напряженным делом.

Минато был внешне нормален, и если бы Обито не знал, что искать, он мог бы подумать, что их противостояние никогда не происходило. Рин и Какаши, конечно, не заметили-Рин заметила повязки на его шее, но он просто сказал, что белка укусила его—Хотя это можно было объяснить тем, что их мысли были заняты другими вещами.

Рин часто поглядывала на Обито, как будто он был шипящей взрывающейся меткой, которая вот-вот взорвется. Какаши сделал то же самое, но Обито видел, как время от времени рука мальчика тянулась к мешочку с кунаем. А может быть, это было просто бессознательное, случайное подергивание, но он не мог позволить себе такой слабой надежды.

Из всех из них, однако, попыталась передать обнаружили, что он был очень огорчен, когда он посмотрел на Минато.

Потому что, несмотря на то, что мужчина сделал заметное усилие, чтобы не смотреть на Обито, он все еще мог видеть нерешительность, подозрение и... сдержанность. Это был даже не тот расчетливый взгляд, который он чувствовал раньше, но совершенно безличный—как будто блондин надеялся, что Обито исчезнет, если он не посмотрит в его сторону.

Как чужой человек.

Непрощеная идея, она вызвала недовольство и глубокую печаль в глубине его живота. Это был

печальный результат, но он знал, что вполне естественно, что Минато все еще смотрит на него с подозрением. Черт возьми, он был удивлен, что его вообще привезли обратно в Коноху—свободным, без каких-либо УЗ, цепей или печатей, не меньше.

Он не ответил на вопросы этого человека, не совсем так, и, вероятно, в том, что он сказал. Было много дыр—он фактически не подтвердил, что он был Обито.

Эта мысль все еще заставляла его слегка дрожать. Он ... он действительно внушил своему сэнсэю мысль о том, что тот был своего рода похитителем тел, не так ли? Его слепые попытки дать тонкие подсказки в надежде помочь Конохе закончились тем, что они сложились в абсолютно мерзкую концепцию, и все это было на его собственных плечах. И что еще хуже, он не сделал ничего, чтобы действительно опровергнуть эту идею.

Да, он действительно не подтвердил, что был Обито... но как он мог это сделать? Он больше не был тем Обито, которого знал Минато, и этот человек даже заявил ему об этом. Он не был тем Обито, которого все знали, и он знал это. Казалось, все его прежние тревоги с самого начала вернулись, чтобы преследовать его в конце концов. В извращенном, болезненном смысле он действительно украл это тело—он был Учиха Обито, да, но он украл свое нынешнее тело у их обито, того, кого они действительно любили. Он уже не был прежним. Он не был обычным Обито, по крайней мере для них.

- А что же тогда было нормальным? Но он этого не знал.

Возможно, для них это был вечно опаздывающий, идиотский, всегда улыбающийся и легко раздражающийся мальчик Учиха. Возможно, это была глупая и склонная к несчастным случаям паршивая овца его клана. Возможно, это был тот самый мальчик, который всегда все портил... что он и сделал, так что, может быть, и нет.

Дело в том, что он сам этого не знал. Но он точно знал, что Обито, которого его команда считала знающим... это был не он сейчас и никогда больше не будет.

Он издал сдавленный, тихий смешок—ему даже не нужно было беспокоиться о том, что его команда поймет это, так как один из них жадно игнорировал его, а двое других были настолько поглощены своими мыслями, что совершенно не замечали окружающего. Но он знал, что этого следовало ожидать.

Так оно и было, но он заставил себя оставаться невежественным. Он ухватился за то, что хотел—то, что он знал, было ложью, но все еще хотел, все еще жаждал—превратив это в истину в своем извращенном сознании. Он знал, что Минато подозревает его, он знал, что ситуация обострится, если он продолжит скрывать что-то. Но...

... Даже тогда он не мог им сказать. Он ни черта не мог им сказать, особенно раньше, когда делал все, что было в его силах, чтобы отвергнуть правду.

Но теперь, даже сейчас, когда он вынужден был смотреть правде в глаза? Но он не хотел этого делать. Он не хотел говорить им об этом. Он не хотел меняться в глазах своих команд, не хотел переходить от "Учиха Обито, друг, Добе и беспечный товарищ по команде" к "Учиха Обито, психопат-убийца".

Он не хотел терять их любовь, поэтому скрывал правду, и в результате... он потерял доверие Минато. Без сомнения, он скоро потеряет свою команду, семью Итачи, Коноху...

И все потому, что он не хотел смотреть правде в глаза.

Обито медленно покачал головой, глядя в небо. Тем не менее решение было принято—и он почти не сомневался, что не сможет вернуться к нему. Невозможно было восстановить узы, которые он снова разрушил своими собственными руками, своим эгоизмом. - ...Просто ... Просто дай мне еще немного насладиться иллюзией.- В конце концов, что значила еще одна белая ложь для его тысяч больных? Неужели для него было так невозможно испугаться-что он испытывал честный, настоящий страх-от мысли потерять все это во второй раз? .. Неужели это так странно, что он хочет, чтобы иллюзия продолжалась?

-Только на короткое время, эта иллюзия счастья, эта иллюзия довольства. Пусть это останется, пусть я почувствую, что все хорошо."

Он мрачно улыбнулся, глядя в ясное небо—слишком яркое и солнечное для его нынешнего настроения.

-В конце концов, все во мне именно так и есть, не так ли? Ложь, хорошо сделанная маска."

Иллюзия.

<http://tl.rulate.ru/book/28530/762057>